

Mark Sokolianskii
О смысловой амбивалентности
понятия «Серебряный век»

Словосочетание «Серебряный век» применительно к истории русской культуры вошло в широкий литературный обиход сравнительно недавно. Достаточно сказать, что даже в добротных книгах о русской культуре рубежа XIX—XX веков и начала XX века, предназначенных для изучения студентами специальных факультетов, оно не фигурировало ещё в 1980-е годы [4]. Между тем, *мелькнуло* оно ещё в конце XIX века. Владимир Соловьёв в своей статье «Импрессионизм мысли» (1897 г.) назвал К. Случевского одним из «достойных представителей „серебряного века“ русской лирики» [15; 547]. В начальной трети прошлого столетия понятие утвердилось в русской литературной критике. Среди «родителей» термина упоминаются, как правило, поэт и переводчик Владимир Пяст и критик Р. Иванов-Разумник. В 1920—30-е годы это словосочетание употреблялось исключительно в эмигрантской литературе. В своих мемуарах, посвящённых русской художественной эмиграции, рассуждал о «серебряном веке» Сергей Маковский [8]. Своеобразным пропагандистом термина выступил Николай Оцуп, который ещё в 1933 г. писал в парижском сборнике «Числа»: «...то, что мы называли «веком серебряным», по силе и энергии, а также по обилию удивительных созданий почти не имеет аналогий на Западе: это как бы стиснутые в три десятилетия явления, занявшие, например, во Франции весь девятнадцатый и начало двадцатого века...» [11; 549—558].

Не вдаваясь в рассмотрение сути этого размашистого заявления, отмечу лишь, что уникальность описываемого явления и предполагаемое литератором «отсутствие аналогий на Западе»

имело бы смысл постулировать разве что в рамках определённого времени. И в связи с этим принципиальную важность приобретает вопрос о временных границах так называемого «серебряного века». Общеизвестно, что чёткие исторические рамки для обсуждаемого периода провести чрезвычайно трудно, тем не менее хотя бы рабочая гипотеза необходима для большей предметности введущихся дискуссий. Думается, что такой гипотезой могла бы послужить концепция М. Л. Гаспарова, в известном труде которого «Поэтика «Серебряного века» предложены хоть и условные, но весьма убедительные временные координаты обсуждаемого явления: 1890—1917 годы [3; 4]. Е. Г. Эткинд признавал «последней ярчайшей вспышкой [Серебряного века — М. С.] военный 1915 год» [17; 9—24], как бы сдвинув заключительную границу на два года назад. Иногда эту границу сдвигают в обратном направлении — на несколько лет вперёд, принимая за отчётливую хронологическую веху два печальных события, происшедших в рамках одного месяца: 7 августа 1921 года умер Александр Блок, а 24 августа был расстрелян Николай Гумилёв.

Привязка, хоть условная и в какой-то мере приблизительная по части хронологии, как будто позволяет воспринимать понятие «серебряный век» в контексте периодизации истории русской литературы конца XIX — начала XX веков. Е. Г. Эткинд в цитированной выше работе называет его «узловым периодом», а немецкий славист Вольфганг Казак — «фазой в русской культуре начала XX века» [20; 1148—1151]. Между тем мало кто из писавших или пишущих об этом историко-культурном периоде задавался целью чётко, с необходимым обоснованием вписать его в более общую **периодизацию** русской литературы.

Чаще всего исследователи стремились определить художественную специфику исканий в русской поэзии (реже — в прозе), изобразительном искусстве, театре и музыке рубежа веков. Нельзя не отдать должное оригинальному названию книги Омри Ронена «Серебряный век как умысел и вымысел» [12] (можно бы, наверное, с такой же точностью написать: «промысел и домысел»), но здесь историческая постановка вопроса как таковая вообще не задана. Сколь бы впечатляющим ни было об-

суждаемое определение, возникло оно не на ровном месте, и его исторические образцы и аналогии — ближние и дальние — отыскать не так уж сложно.

Самое раннее художественное явление, названное «серебряным веком», относится к древнеримской литературе послеавгустовского периода (Марциал, Петроний, Ювенал, Тацит). В основе такого определения лежало соотношение указанного периода с «золотым веком» римской литературы времён Августа. Словосочетание «золотой век», первичное и более частотное уже в античные времена, впоследствии также не раз употреблялось в литературе и не только в рассуждениях историко-культурного характера. Обозначало оно, по крайней мере, во времена своего становления и вхождения в оборот вершинные явления и в устройстве общества, и в развитии культуры. Историю литературного использования обсуждаемого понятия начинают обычно с Гесиода, а затем в этот ряд попадают и Овидий, и Эразм Роттердамский, и Шекспир («Буря»), и Сен-Симон, и Р. У. Эмерсон и многие другие. Впрочем, как точно заметил голландский философ Й. Хейзинга, «история всегда значительно больше увлечена проблемами становления и расцвета, чем загниванием и упадком...» [19; 7]. Это замечание с полным основанием может быть отнесено и к области культурологии.

В истории русской литературы «золотым веком» стало принято называть пушкинское время. Были попытки продлить «золотой век» чуть ли не до второй половины XIX столетия, а начать его отсчёт от Карамзина (В. Розанов), но они не закрепились в культурном сознании. На рубеже XIX—XX столетий, как правило, «золотым веком» именовали пусть недолгий, но блестящий пушкинский период в развитии русской поэзии¹.

Именно в ту пору пусть не стало общеупотребительным, но появилось в русской литературе ещё одно понятие — «железный век». Эту формулу, восходящую к образности Евгения Баратынского («Век шестует путём своим железным...»), применительно к девятнадцатому веку, а, по сути, и к началу двадцатого, утвердил в поэзии рубежа столетий А. Блок в «Воз-

¹ Этому вопросу посвящена обстоятельная статья Л. А. Иезуитовой «Что называли „золотым“ и „серебряным“ веком в русской культуре конца XIX — начала XX века» [5; 11—24].

мездии»: «...Век девятнадцатый, железный,/ Воистину жестокий век...». В своей речи «Судьба Блока» на вечере памяти поэта в 1921 году Б. М. Эйхенбаум говорил: «...В смерти Блока и в иступлённых криках Андрея Белого — судьба целого поколения, судьба всего символизма, изжившего себя среди ужасов нашего железного века...» [16; 558]. Появление этого, третьего определения, прилагавшегося чаще к историческому времени, реже — к историко-литературному периоду, составило целую шкалу однородных историко-культурных понятий, основным принципом дифференциации которых была, безусловно, **оценочность**. Конечно, и в вырванном из этого контекста словосочетании «серебряный век» ощущается некое аксиологическое основание, но в системе шкалы, где между каждой смежной парой понятий существует чёткая семантическая противоположность, достаточно условное определение обретает и дополнительный смысл.

Большой знаток мировой литературы и тонкий критик Д. П. Святополк-Мирский на пороге 1920-х годов попытался приложить к современности привычное, сверхкомплиментарное понятие «золотой век» [14; 53], однако и сам в дальнейшем предпочёл не оперировать этим понятием, не желая, видимо, сигнификативно дублировать уже установленное, более раннее явление, и создавать тем самым терминологическую путаницу. Приведённая высокая оценка, конечно, не лишена определённых оснований, но она, по-видимому, не прижилась уже потому, что не исчерпывала даже всего объёма проблемы генезиса термина, не говоря уж о дополнительных, а на поверку не менее значимых коннотациях.

Сколь настойчиво ни самоутверждаться в представлении о национальной исключительности развития русской культуры, какие-то аналогии не только с античным или ренессансным прошлым, но и с не столь отдалённым зарубежным опытом возникают сами собой. Так, к примеру, вспоминается написанный в 1873 году Марком Твенем в соавторстве с юристом и литератором Чарльзом Дадли Уорнером роман «Позолоченный век» („The Gilded Age. A Tale of Today“), относимый солидными историками американской литературы к «романам о социальном процессе и политической коррупции» [18; 357]. В выбранном соавторами названии определёнno содержался пародийный вызов

ходячей тогда официозной формуле, восторженно характеризовавшей американскую действительность периода Реконструкции как «золотой век» („The Golden Age“). Пародирование в данном случае, несомненно, послужило подходящей сатирической формой **оценочного** суждения, а в лингвистическом отношении выбранный эпитет *позолоченный* является ничем иным, как контекстуальным антонимом широкоупотребительному в официальной прессе того времени определению *золотой*.

Лексическая антонимия очевидна и в соотношении определений «золотой» и «серебряный» применительно к разным *векам* русской культуры, а прежде и точнее всего — русской поэзии. Конечно, одно и то же слово может вступать в различные антонимические отношения, и по сравнению с такими понятиями, как «бронзовый век» либо «железный век», формула «серебряный век» звучит весьма комплиментарно. Однако поскольку понятия о трёх *веках* русской культуры разместились на одной и той же шкале, иерархичность предложенных определений позволяет легко установить главный акцент: *серебряный*, стало быть, уступающий в достоинствах *золотому*. В выборе определения «серебряный век» отсчёт, конечно же, брался не от последующих, по-разному прогнозировавшихся этапов, а от непосредственно предшествовавших (в случае с древнеримской литературой на пороге новой эры) или даже исторически отстоящих на добрых три четверти века, как это и было в наиболее основательных рассуждениях о литературе русской в пору *fin de siècle*.

Собственно говоря, оценочность, в принципе плохо совместимая с терминологичностью, возобладала в толковании понятия «серебряный век» тогда, когда оно вошло в активный литературный обиход, а именно — в последней четверти XX века и на пороге нового тысячелетия. То была и есть однозначно позитивная, если не сказать, суперлятивная оценочность. Она как бы предшествовала всякому конкретному изучению того или иного культурного явления, относимого к названному периоду и предопределяла отношение к нему. Эффект восхищения и любования порой подменяет явственную необходимость, воспользуемся выражением Макса Вебера, «рассматривать конкретный объект в рамках ценностного анализа» [6; 46—47]. Примером

может служить позднейшее восприятие наследия русских поэтов «серебряного века».

Состав этой поэзии, как и прочих жанровых групп, определяется разными исследователями совсем не одинаково. Так, П. Гайденко в солидной монографии «Владимир Соловьёв и философия Серебряного века» вписывает русскую «формальную школу» с её филологическими исканиями в эстетику этого самого *века* [2; 55—56], не смущаясь тем, например, обстоятельством, что ведущие русские формалисты (Тынянов, Эйхенбаум, Шкловский, Винокур), хотя и пережили интересующий нас период на два-три десятилетия, никогда даже ретроспективно не выделяли его по оценочному принципу и не пользовались обсуждаемым определением.

Автор специальной статьи об эстетике Серебряного века В. Бычков выделяет три направления «интеллектуально-художественного творчества» исследуемого им века: «религиозную философию, символизм и авангард...» [1; 47—57]. Трудно представить, каковы есть или будут результаты декларированного философом «систематического изучения», если уже в «пролегоменах» им составлен откровенно гетерогенный ряд «интеллектуально-художественных» явлений. Значительно точнее, думается, судит М. Л. Гаспаров, считающий главными составляющими течениями в поэзии Серебряного века символизм (две его волны), акмеизм и футуризм [3; 4].

Безусловно, символистская поэзия занимает центральное место в поэтическом наследии Серебряного века, и именно она вызвала к жизни комплиментарные оценки всего историко-литературного периода. Правда, произошло это с солидным опозданием, тогда как современники расцвета символистской лирики судили о ней в целом с большей осторожностью, если не сказать — с большей долей скептицизма. Так, весьма критически воспринимал достижения старших символистов (в частности, поэзию В. Брюсова) главный герой цитировавшейся выше книги П. Гайденко Владимир Соловьёв, писавший, в частности: «...Порода существ, именующихся русскими символистами, имеет главным своим признаком чрезвычайную быстроту размножения...» [15; 509] Уже выбор лексики в приведённом суждении даёт ясное представление об оценке, данной ран-

ним символистам В. Соловьёвым, пародировавшим их «шершаво-декадентные вирши» [10; 212]. О стихах Брюсова в той же статье сказано ещё более определённо: «...Общего суждения о г. Валерии Брюсове нельзя произнести, не зная его возраста. Если ему не более 14 лет, то из него может выйти порядочный стихотворец, а может и ничего не выйти. Если же это человек взрослый, то, конечно, всякие литературные надежды неуместны...» [15; 509]. В рамках поставленной темы нет необходимости соглашаться или спорить с видным мыслителем; показателен сам факт его отношения, его оценки.

Спустя четверть века хорошо знавший поэзию и младших символистов О. Мандельштам характеризовал русский символизм как «огромный махровый гриб на болоте девяностых годов, нарядный и множеством риз облечённый» [9;173] и делал исключение только для Блока. В другом месте, рецензируя «Альманах муз», где были напечатаны стихи Брюсова, Мандельштам заметил: «...Мишурная мантия ложного символизма совершенно вылиняла, потеряла всякий вид и по справедливости вызывает весёлую улыбку поэтической молодёжи...» [9; 252]. Образность определений («махровый гриб», «мишурная мантия» и т. п.) не вызывает никаких сомнений в однозначности суждений выдающегося поэта о целом течении или, по крайней мере, о большинстве его представителей.

Интересно и то, что оценочное понятие «Серебряный век» (с комплиментарным наполнением) не было подхвачено и, как говорилось выше, вовсе не употреблялось виднейшими литературоведами — современниками и знатоками поэзии символистов (по крайней мере, младших): Ю. Н. Тыняновым, Б. М. Эйхенбаумом, Б. В. Томашевским, Г. О. Винокуром, Л. Я. Гинзбург и др. Причём это замечание относится не только к их статьям и книгам 1920-х годов, но и к более поздним историко-литературным трудам, в которых фигурируют имена и творчество ряда поэтов, ныне включаемых, как правило, в ряд мастеров «серебряного века».

Причина, полагаю, не только в том, что тогда это понятие бытовало в лучшем случае в эмигрантской литературе и ещё не пришло в пределы страны, где произошло изучаемое явление. Вчитываясь в суждения родоначальников русской формальной

школы о символистской поэзии, можно допустить, что они не склонны были в оценочном плане преувеличивать значение этого художественного феномена. Испытывая же повышенный интерес к авангардистским течениям и прежде всего к футуризму, не считали возможным объединять столь разнородные в качественном отношении явления, как символизм, футуризм и акмеизм. Такой подход наверняка может быть сегодня оспорен, но в плане разговора об оценочной основе термина «серебряный век» он весьма показателен.

Идеологические шоры, накладываемые на литературоведческие разыскания в Советском Союзе на протяжении более чем половины XX столетия, неизбежно привели к временному занижению художественной значимости этого периода в истории литературы, когда исключения делались, по сути, лишь для немногих отдельных мастеров. На новом историческом витке сработала в какой-то мере закономерная реакция на прежние запреты и ограничения, на смену которым пришло безудержное восхваление и приобщение к выстраиваемому ряду всё новых и новых имён.

Учитывая чрезмерно широкую употребительность, если не сказать *затасканность*, исследуемого понятия в последние три десятилетия, нельзя не увидеть, что она крепко связана и с расширительным толкованием наименования, распространяемого на слишком большое поле художественных явлений рубежа XIX—XX вв. и первой четверти XX века. Безмерной широте соответствует и явно завышенный тонус похвал по адресу не только вершинных, но и более чем заурядных произведений поэзии (а тем более — прозы и драматургии) указанного периода.

Обратив внимание на эту особенность современной литературы о серебряном веке (предметом конкретного рассмотрения явился очерк Галины Рыльковой «На склоне Серебряного века»[13]), один из ведущих в наше время знатоков литературы той переходной эпохи А. В. Лавров вспоминает характеристику, данную Эллисом (Кобылинским) культуре своего времени: «пантеон современной пошлости» — и затем заключает: «...Тот же «пантеон современной пошлости» заявляет нынче о себе на

каждом шагу в патетических заклинаниях и восторженных медитациях на тему «серебряного века...» [7; 246]

Несомненно, каждая из творческих личностей, попадающих в створ исследований о «серебряном веке», в той или иной мере заслуживает и читательского внимания, и комментированных изданий (или переизданий), и серьёзных исследований. Что же касается общих трудов о целом периоде и пучке предположительно взаимосвязанных — не только исторически, но и эстетически — течений в искусстве, то здесь будет не лишним учитывать аксиологическую составляющую в устоявшемся словосочетании, дабы удержаться от крайностей — непомерно завышенных оценок и слишком расширенного представления о предмете.

Литература

1. Бычков, В. В. Эстетика Серебряного века: пролегомены к систематическому изучению // *Вопросы философии*, 2007, № 8. С. 47—57.
2. Гайденко, П. П. Владимир Соловьёв и философия Серебряного века. М.: Прогресс—Традиция, 2001. 468 с.
3. Гаспаров, М. Л. Поэтика „Серебряного века“ // *Русская поэзия «серебряного века»: антология*. М.: Наука, 1993. С. 4—43.
4. Дмитриев, С. С. Очерки истории русской культуры начала XX века. М.: Просвещение, 1985. 256 с.
5. Иезуитова, Л. А. Что называли «золотым» и «серебряным» веком в культурной России XIX — начала XX вв. // *Гумилёвские чтения: Материалы международной конференции филологов-славистов.* СПб.: СПГУ, 1996. С. 11—24.
6. Культурология. XX век. Антология. М.: «Юрист», 1995. 703 с.
7. Лавров, Александр. «Серебряный век» и/или «пантеон современной пошлости». О русской поэзии 1900-х. // *Новое Литературное Обозрение*, 2001, № 51. С. 240—247.
8. Маковский, С. На Парнасе «Серебряного века». — Мюнхен: Изд-во Центрального Объединения политических эмигрантов из СССР, 1962. 364 с.
9. Мандельштам, О. Слово и культура. М.: Сов. Писатель, 1987. 320 с.
10. Мелочи жизни. Русская сатира и юмор второй половины XIX — начала XX в. М.: Худож. лит., 1988. 416 с.

11. Оцуп, Николай. Океан времени: Стихотворения. Дневник в стихах. Статьи и воспоминания. 2-е изд. СПб.: «Логос», 1994. 615 с.
12. Ронен, Омри. Серебряный век как умысел и вымысел. М.: ОГИ, 2000. 152 с.
13. Рылькова, Галина. На склоне Серебряного века // *Новое Литературное Обозрение*, 2000, № 46. С. 231—244.
14. Святополк-Мирский, Д. П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи. СПб.: Алетейя, 2002. 366 с.
15. Соловьёв, В. С. Философия искусства и литературная критика. — М.: Искусство, 1991. — 699 с.
16. Эйхенбаум, Б. М. Мой современник. СПб.: Инапресс, 2001. 652 с.
17. Эткинд, Е. Г. Единство «серебряного века» // Эткинд Е. Г. Там, внутри. Русская поэзия XX века. СПб.: Максима, 1995. С. 9—24.
18. Bradbury, Malcolm. „Years of Modern“: The Rise of Realism and Naturalism // *American Literature to 1900* / Ed. by Marcus Cunliffe. London: Sphere Books Ltd., 1973. Pp. 355—390.
19. Huizinga, J. *The Waning of the Middle Ages*. Hammondsworth: Penguin Books, 1979. 342 p.
20. Kasack, Wolfgang. *Lexikon der Russischen Literatur des 20. Jahrhunderts*. 2e Auflage. München: Verlag Otto Sagner in Kommission, 1992. 1198 s.